

Валентина ГОЛУБОВСКАЯ

Театр одной собаки

Дворняга как дворняга. Сколько пород в нем смешалось, никто не знает. Это — Жора, коренной житель нашего дома. Он здесь родился, когда дом еще только строился. По праву считал себя полноправным владельцем всей территории, поэтому не слишком дружелюбно встречал пришельцев. Наше появление здесь со спаниелем Юмкой тоже поначалу вызвало Жорину недовольство. Но Юмкин добродушие, покладистый и веселый нрав, нежелание откликаться на Жорины наскоки, да и мои продовольственные подношения охладили Жорин пыл.

Настороженные отношения постепенно переросли в привязанность и дружбу.

Утро. Мы с Юмом выходим на первую прогулку. Жора, услышав звуки ключей и открывающейся двери, уже под нашей дверью. Мы втроем выходим за ворота. Юм — благовоспитанный спаниель, красавец, достойный кисти своего великого соотечественника Веласкеса — не случайно на первой же выставке Юмка получил золотую медаль за красоту. Жора — дитя свободы и волюности, во внешности — никакого "гламура" — короткая черно-пегая шерсть, короткий хвост и умные, с хитрецой, глаза.

Первое впечатление при взгляде на эту парочку — Петя и Гаврик!

Но это поверхностный взгляд. При долгих, постоянных гуляньях втроем, я начинаю замечать, что Жора постепенно начинает подражать Юмкиным манерам. Он старается идти чинно, в ногу с Юмом, из-за почтенного возраста идущего медленно. Если сидящий в нем бесенок, то есть природный инстинкт, заставляет сорваться Жору с места, он тут же возвращается с виноватой рожицей — простите,

мол, оплошал! — и наше путешествие по избранному кругу продолжается. Юм поднимает под деревом лапку, Жора отходит на небольшое расстояние, уступая первенство в совершении естественного процесса старшему, потом оставляет и свою запись на той же "странице".

Но главное, что во время этих променадов Жора оглядывается по сторонам, словно всем видом показывая спешащим мимо нас прохожим и бегущим навстречу соплеменникам: "Смотрите, я тоже гуляю с няней (это обо мне)!"

Владельцы других собак меня спрашивают, показывая на Жору — Это что, тоже ваш?!

— Да, — отвечаю я, — это мой приемный.

Жора прислушивается к разговору, улавливая интонации, — нет ли чего обидного для него.

Если случается, что Жора не вернулся к утру домой, а у него бывают ночные отлучки, меня спрашивают: "А где ваш второй?"

Мы проходим по соседней улице. У ворот стоит человек и восклицает: — О, Жора!

— Он что, вам представился? Откуда вы знаете, что он Жора?

— Так кто же Жору не знает! — не сетясь нам вслед.

Жора не упускает ничего. Идет женщина с тяжелыми сумками, явно с Привоза. Жора отдалается от нас, подбегает к сумкам, интересуясь их содержимым, "строит глазки". Женщина ставит сумки на асфальт и достает для Жоры какой-то лакомый кусочек. Устоять перед мольбой в Жориных глазах невозможно.

Мы, уже возвращаясь, подходим к нашему дому Жора, словно что-то вспомнив, махнув нам на прощанье коротким хвостом, перебегает мостовую.

— Жора, куда ты?! — кричу я.

Собака оглядывается, всем своим видом сообщая: "Дела!"

Однажды я надела на Жору ошейник от блох. Для Жоры это была диковинка, которая, очевидно, ему нравилась. Он вертел головой во все стороны, словно пытаясь разглядеть себя в обновке, ходил по двору так, как молодой щеголь, впервые надевший фрак. Длилось это, правда, недолго. Через день смотрю, на Жоре ошейника нет. Спрашиваю у Галины Ивановны, заботливой хранительницы нашего дома:

— Галина Ивановна, а где Жорин ошейник?

Кто-то его, оказывается, сорвал, нечего, мол, дворовой собаке ходить в ошейнике! А с блохами можно!

Жора невероятно эмоционален. В дождь, в сыякость это Жорино качество не слишком радует, честно говоря. Когда Жорик летит к тебе через весь двор, и на светлой куртке остаются следы собачьих лап, впечатление такое, что, став на задние лапы, Жора тянется к тебе с поцелуем, — первая реакция совершенно естественная — Жорка, что же ты меня так "изукрасил"! Опять куртку — в машину!

Но так искренне он тебе радуется, так летит к тебе, как будто распахивая объятия, что думаешь — да Бог с ней, курткой!

Я перехожу двор и выхожу за ворота. Жора несется следом. Правда, не упуская возможности чем-то полакомиться, авось повезет, и женщина, торгующая на нашем углу булочками, отломит кусочек. Иду в магазин, Жора за мной. Усаживается в охидании под дверью. Пока я выбираю, что купить, вошед-

шая женщина говорит продавщице: "Взвесьте одну сосиску. Там собака под дверью просит поесть".

Вечером прохожу мимо Успенского собора и вижу, что впереди — Жора. Он меня не видит, обходит нищих, сидящих под собором, и каждый делится с Жориком соборной за день снейдой. Я тоже делаю вид, что Жору не заметила, чтобы его не смущать. Через несколько минут Жора меня догоняет, ждет под булочной. Назад мы идем вместе. Проходя мимо нищих, Жора делает вид — я с вами не знаком!

Возвращаясь, я говорю Галине Ивановне:

— Галина Ивановна, не волнуйтесь, Жора не пропадет, он и у нищих подкормится.

Галина Ивановна в Жорике души не чаёт. Он, бывало, исчезал на несколько дней, но в ее здравство непременно возвращался.

— Галина Ивановна, — спрашиваю я, — у Жоры в календаре отмечены ваши дежурства?

— Наверное, — довольно смеется Галина Ивановна.

То были кратковременные отлучки.

После того, что не стало Юмочки, и прекратились утренние и вечерние прогулки, Жора заскучал. Жора уходил все чаще. Соседи говорят, что ушел к строителям, с которыми вырос, пока строился наш дом. Тем более что у него там свой интерес — Метелка, рыжеватая собака с пушистым хвостом, которая ушла со строителями сразу же. Их контора в нескольких кварталах от нас.

Теперь Жора появляется в нашем дворе нечасто, чаще по выходным. В конторе никого нет, и Жора вспоминает, что у него есть "запасной аэродром". Приходит, он по-хозяйски обходит двор, потом картинно

ложится на солнышке, грея живот, либо, разморенный, выбирает самое прохладное место в тени.

Иногда приходит с Метелкой, которую держит, как домашний деспот, "в черном теле", — это касается, прежде всего, пищи. Чтобы ни получила Метелка из еды, он вырвет у нее изо рта. Она же, как забитая, рабски послушная жена, даже не пытается сопротивляться!

Иногда Жора является со всем своим семейством — с Метелкой и сыном, таким же послушным, как Метелка.

Из окна я вижу, что, насытившись (хоть, по-моему, Жора готов есть всегда), он начинает лицедействовать — выщелкивает блох на спине у Метелки, всем видом показывая супружескую нежность и заботливость. Нужно показать, кто в этом дворе хозяин, — пожалуйста — облизать въехавшую машину или незнакомого человека, вошедшего во двор.

Во дворе прижилась еще одна собачка. Говорят, что она выпущена из собачьего приюта. Она долго жила у нас под воротами, не решаясь зайти во двор. Потом преодолела робость, прижилась, но, очевидно, бедняжка столько перенесла горестей, что ведет себя тише воды, ниже травы.

Но Жорик обучил ее своим манерам. Когда он приходит на побывку, Машенька, набираясь храбрости, бежит за Жоркой к машине и тоненьким голоском их облаивает, оглядываясь на Жору, — хорошо ли у нее получается? Жоркино воспитание!

Жора давно не появлялся во дворе. А недавно идем с мужем по Преображенской. Кто-то меня сзади толкает. Оглядываюсь — Жорик! Еще с двумя приятелями.

— Жора, у меня ничего с собой нет. Иди домой, жди меня, вернусь — накормлю.

Жора с дружками сопровождал нас долго.

Вернувшись, я спросила у Галины Ивановны: "Жорик приходил?". Нет, не приходил.

Жора, где тебя носит?! А ну, быстро домой!

Юрий ФУРМАНОВ

О «глупом» еврее замолвите слово...

В Советском Союзе было много евреев. Одни жили благополучно, занимали высокие посты, были состоятельны. Другие — как большинство граждан, жили от зарплаты до зарплаты, трудились в советских учреждениях и предприятиях. Третьи были тунеядцами. Я, как и Иосиф Бродский (слабое утешение), долгое время вынужденно был тунеядцем: на евреев, как на черную икру, не было тогда спросу. Мне не повезло: не имел ни связей, ни работы, ни средств к существованию. Каждое утро вставал с мыслями о трудоустройстве и засыпал с чувством отчаяния и безысходности. Положение действительно было отчаянным — двое детей. Сначала винил себя, потом эмигрирующих евреев (как будто они всю жизнь мечтали о Святой земле), потом подумал, что всему виной работодатели-антисемиты и, наконец, понял, что дело в гозаказе: "евреев в отряд не брать".

Ну и что, подумает читатель, что нового ты хочешь сообщить? Да таких биографий пруд пруди. Да и к чему их пересказывать, когда новые демократические власти раз и навсегда покончили с антисемитизмом. Ну, вопервых, я в этом не совсем уверен, а во-вторых, не хочешь читать, читатель, не читай. Ну, а в-третьих, драматизм ситуации был в том, что я, как сейчас модно говорить, реально был русским с приличной по советским масштабам биографией, но с еврейским паспортом. Сейчас, спустя много лет, вся моя драма с трудоустрой-

вом вспоминается с грустью, иронией и юмором.

Итак, я выпускник аспирантуры весьма престижной кафедры МГУ и без связей начинаю искать работу в Москве. Поскольку чувствую себя реально русским с приличной советской биографией, ишу работу на родном факультете. Как-то сидел в социологической лаборатории, куда, по моим расчетам, мог вполне устроиться на работу. Но мне перебежал дорогу какой-то тип с явно еврейской рожей, который буквально завопил: "Ну возьмите меня на работу, ну, пожалуйста! Я хороший, я способный и т. п.". В лаборатории мне сказали, пройдишь партком — возьмем. Декан факультета написал на моем заявлении: "В партком. Считаю возможным удовлетворить просьбу нашего выпускника". Не подействовало, партком не удовлетворил. Позже мой хороший знакомый, член парткома, так объяснил ситуацию: "Тебе не повезло, старик. Три еврея на факультете есть, а четвертого по разнарядке не положено".

Что за чушь? Какая разнарядка, наверное, надо было попросить разрешения у секретаря присутствовать при обсуждении моей кандидатуры. Сам виноват. Ну что же, здесь не вышло, попытаю счастья в престижном журнале, где требовался консультант со знанием английского языка. Чтобы меня опять не прокатили на редколлегии, обращаюсь за поддержкой к очень известному советскому ученому, академику. Увы, и здесь меня ждал провал.

Оказывается, мое заявление опять обсуждалось не на редколлегии, а на парткоме института. Позже академик так объяснил ситуацию: "Увы, к сожалению, мои хлопоты не увенчались успехом. Вам не повезло. Дело в том, что совсем недавно партком исключил из партии научного сотрудника института, эмигрировавшего в Израиль. Шум по этому поводу не утихает. Я вообще считаю, что вам как члену КПСС надо обращаться за помощью не к лицам, а к структурам, и прежде всего партийным".

Он прав, подумал я. Как я сам об этом не догадался? Тем более что во главе Управления преподавания общественных наук Минвуза СССР был мой хороший знакомый. "Какие проблемы?" — приветливо спросил он меня. Когда я ответил, что, возможно, меня не берут на работу по пятому пункту, он искренне удивился тому, что я принадлежу к еврейскому племени. Затем вздохнул и сказал: "Попробую что-то сделать для вас".

Набирает, как сейчас помню, телефон ректора экономико-статистического института и очень дружелюбно к нему обращается: "Иван Петрович! Шептулин говорит. Рад тебя слышать. Где отдыхал, как здоровье жены и т. п. Послушай, здесь у меня в кабинете сидит весьма симпатичный и талантливый молодой человек с приличной советской биографией. Член КПСС, кандидат наук, толковый специалист. Посылаю его к тебе, посмотри, пожалуй-

ста". Я очень хорошо слышал, что сказал в трубку Иван Петрович: "Прекрасно, посылай, у нас есть вакансия ассистента кафедры. Итак, я записываю его данные. После того как Шептулин продиктовал ему мои ФИО, Иван Петрович сдавленным голосом высказался: "Слушай, мне что-то его отчество, Рафаилович, не нравится. Он что — из тех?". "Ну и что из этого?" — ответил мой благодетель. — Я повторяю тебе, что он член КПСС. Разве этого недостаточно?". Тут разговор прервался, и Шептулин без особого энтузиазма пожелал удачи в указанном вузе. К ректору, разумеется, меня не допустили. На проходную ко мне спустился какой-то человек и очень любезно сообщил новость, что вакансия ассистента на самом деле была вакансией доцента, а на ставку доцента у меня нет никаких шансов.

После этого я опять сам искал работу, но безуспешно. Вакансии были, и по телефону я почти договаривался о трудоустройстве, но как только приносил свой личный список с пятым пунктом, так сразу же, как в известном анекдоте, не успевал произносить "здрасьте", тут же мне отвечали "до свидания". Самое страшное, что меня начали одолевать мысли об эмиграции в Израиль. Многие удивлялись: "Старик! Что ты тут забыл, в этой гребаной стране? У тебя такая возможность выбраться из нее, а ты бедствуешь". Эмигрировать как-то не хотелось, поскольку, повторяю, был реально русским с вполне совет-

ской биографией. Наконец, решил счастие в Отделе науки и учебных заведений Московского городского комитета партии. Прорвался через охрану и секретаря прямо к заведующему и с порога заорал: "Я коммунист, жена — русская, но у меня жидовский паспорт, и не берут на работу!". Заведующий спокойно выслушал все это и пообещал помочь. Увы! Родная партия ничем мне не помогла, но я ей отомстил: за год до ее развала с удовольствием написал заявление о выходе из КПСС.

Наконец, спустя год после моих "университетов" мне повезло: после тщательной проверки моей советской биографии меня взяли в режимное учебное заведение. Накануне заведующий кафедрой меня предупредил: "Если вы не возьмете целевое направление от аспирантуры МГУ, то на парткоме, скорее всего, вас прокатят". Так я и сделал, но все равно обойти партком не удалось. При обсуждении моей кандидатуры одна партдама сердобольно спросила: "На что вы, молодой человек, содержали свою семью целый год?". Читал лекции по стране, ответил я. И здесь меня поджидала коварная ловушка. Партдама взяла слово и сказала: "Ситуация неоднозначна. В партбилете нашего товарища не указано, что он платил членские взносы из гонораров, полученных от чтения лекций. Выходит, он обманывал нашу партию". После этого воцарилась тишина, а у меня подкосились ноги. Но неожиданно пришло спасение в лице самого секретаря парткома: "Давайте судить не по данному эпизоду, а по биографии в целом".

Прошло много лет, и многое поменялось, но до сих пор никак не могу ответить на вопрос, был ли тотальный антисемитизм в Советском Союзе, или мои митизмы просто история обыкновенного неудачника. Может быть, я был не очень умным евреем. И только одну умную вещь я сделал — не уехал в Израиль. Там глупым евреям делать нечего.